

Ш а р и ф А з а я р

Т Р И Р А С С К А З А

ФОТОГРАФИЯ

Деда ослепил я. Я был достаточно мал, чтобы всем своим существом поверить в это, и достаточно взросл, чтобы испытывать угрызения совести. По большому счету, он и сам был виноват. Очень нервный человек. Постоянно прикрикивал на нас, не давал разговаривать и играть. Отец выстругал ему большую палку — та доставала от его кровати до самой двери комнаты. Когда мы озорничали, эта волшебная палочка выискивала нас повсюду, ударяла по голове и отступала. Рука у него тяжелая была. Нам оставалось только потирать ушибленное место.

В такие минуты я сердился на деда. Меня раздражало, что отец бреет ему голову и стрижет бороду, а мать моет ноги. Кто такой этот нервный старик? Откуда он взялся в нашем доме? Если б не он, все шло бы отлично.

И с мамой он ругался. Однажды дал ей пощечину. Мне стало так плохо. Хватило б силы, так побил бы. Только на отца я и надеялся, а тот молчал. Будто ничего не слышал, ничего не видел. Он так любил деда... «Отец, родненький», — только и говорил он. Когда у деда поднималось давление, отец садился на корточки и погружал его ноги в таз с горячей водой, помогал переодеться, брал под руку в ветреную погоду и провожал в туалет. А дед в благодарность за все это больше любил дядю, брата моего отца. Не отставал от него, «женись», говорил. А дядя с ним не считался. Знай, только смеялся.

«Чего ты бьешь?!» — крикнул я однажды, раздраженно выкинув свою маленькую руку. Он разозлился еще пуще. Встал с кровати и побежал за мной, так сильно дернул за мочку уха, что пошла кровь. Еще и обругал меня: «Чтоб тебе провалиться!» С того самого дня я его возненавидел. Вечером отец и мать спускались во двор поработать, дед без усталости звал меня, а я нарочно не откликался. Хотел воды, а мне хоть бы хны. Ему приходилось вста-

вать, выходить в коридор, не переставая ворчать, и наливать себе дрожащей рукой воды. Мне доставляло невероятное наслаждение видеть его слабость.

Я поумнел. Прятался под кроватью, когда он на меня злился. Ни сам он, ни его палка не могли меня тут достать.

Отец над всем этим смеялся: «Не можете поладить? Ха-ха-ха!» Дед тоже улыбался, поглаживая бороду. Даже его висящая на стене фотография, сделанная в молодости, гневно на меня взирала. Я ненавидел и эту фотографию. Отец говорил, эту фотографию дед сделал перед отправкой на войну. Совсем молодой на этой фотографии. Его постригли «полубоксом», на макушке торчал чуб. Китель застегнут до самой верхней пуговицы. Он смотрел так решительно, что, казалось, снесет с лица земли всю Германию. Но в то же время вызывал смех. Вряд ли такой солдат может прикончить фашиста. Сил у него хватало лишь на меня...

Едва прибыв на фронт, он получил ранение, попал в плен. По его словам, это случилось в Крыму. Он тайком от чужих ушей хвалил немцев. Говорил: «С нами, пленными, хорошо обращались, давали молоко, булку, вермишель, рис, печенье... Даже шоколад!» Я ему не верил, а отец верил. Отец рассказывал, что вернувшийся с войны, точнее, из плена, дед от страха ровно три года ни с кем не говорил. Прикинулся немым. Боялся, что расстреляют как изменника. Он всех убедил, что нем. Даже голоса не подавал. Когда все немного улеглось, начал незаметно беседовать с отцом, объяснять ему обстоятельства. Эх, вот бы его убили в плену. Я бы так радовался! То есть если б его убили и я бы его не знал, то обрадовался или расстроился бы за своего отца? Наверное, отец любил своего отца так же сильно, как я своего. Мне так хотелось отомстить деду, уловив подходящий момент. Дернуть за усы, когда тот спит, шлепнуть по плешивой голове и убежать, плюнуть в стакан с чаем, помочиться в туфли... Но почему-то ничего этого я не делал. Кажется, боялся фотографии на стене. Она так гневно на меня смотрела... Однажды я решил, какой станет месть; тайком от всех я снял фотографию со стены, положил на пол, и выколол глаза кончиком циркуля. Мама застала меня за преступлением, закричала и в ужасе расцарапала себе лицо. Я испугался. Заплакал. «Почему он меня ругает?» — спросил я. Мама успокоила меня и спрятала фотографию. Сказала: «Он тебя любит. Когда ты махонький был, он раздевал тебя и пря-

тал у себя за пазухой, целовал пипиську, обнимал и ласкал, а ты, будь благословен Аллах, родился белым и пухленьким малышом, я боялась, что он возьмет тебя и съест!»

Я рассмеялся, меня все это позабавило. Но раскаяния от содеянного не испытал. Только дядиных усилий стало жаль. Дядя отправил почтой фотографию в Москву, где ее и увеличили. Он нетерпеливо ждал, когда ее вышлют обратно. Очень радовался, что та вышла такой красивой. Он ставил одну подле другой фотографию со спичечный коробок и фотографию размером с книгу. Дед, родители и даже соседи с изумлением смотрели на это чудо техники.

Видит Бог, деду не хотелось вешать фото на стену. Кажется, боялся умереть. Однажды сам сказал: «Сынок, я еще не умер!» Дядя обнял его и поцеловал в ухо: «Горбачев тоже не умер, отец, но его фотографии повсюду красуются».

В тот день, когда я выколол деду глаза, началась война. Сказали, если мы не переедем, всех нас убьют, уведут в плен. Отец на скорую руку погрузил весь скарб в грузовик. Дед с мамой сели в кабине, а мы в кузове. Мы, дети, радовались. Наверно, предстояло увидеть интересные края. Степь... Футбол... Вооруженные солдаты... Танки...

С тех пор у нас не было стен для дедушкиной фотографии.

Я этому даже немного радовался. Отец никогда не узнает, что глаза на фото выколол я.

Дядя остался в деревне, чтобы забрать скотину. Хорошо помню, как он с нами прощался. Дольше всех обнимал деда, с отцом простился холодно, мама встала на цыпочки и поцеловала дядю в подбородок. Высоким был дядя. И с ружьем на плече. Он улыбнулся мне. Когда нагнулся поцеловать меня, ружье сползло с плеча и упало на меня, он вернул его на место, сунул большой палец за ремень и сощурил один глаз: «Не скучай, вернись и ходим на охоту. В Хаджи Сулеймане водятся хорошие зайцы». Сел на белого коня и поскакал к товарищам. С того самого дня дядю мы больше не видели. Пропал без вести на войне. Но белый наш конь прискакал обратно. Дядя попросил товарищей присмотреть за конем, а сам отправился нас проведать. Но не нашел ни нас, ни товарищей, когда вернулся обратно... Мы узнали об этом месяц спустя. Мы считали, что он с товарищами. Да, белый конь вернулся, а дядя — нет. Я впервые увидел деда плачущим. Он обнял коня за шею, прижал-

ся лбом к его лбу: «Что ж ты оставил моего сына? Я ведь его тебе доверил...» И после этих слов тихо заплакал. Конь хотел будто возразить, собираясь заржать, но, увидев деда плачущим, промолчал, опустил уши. Словно стеснялся взглянуть в лицо деду.

Земли Хаджи Сулеймана, о которых говорил дядя, — бескрайняя степь. Здесь росла одна только полынь, белокопытник, ежевика, мелкие травушки и редкий тамариск. Кругом солончаки. Воды тут не найти. Мы обосновались в частично обрушенной землянке. Отец попробовал привести землянку в порядок, поставить подпорку — и тут пришла весть о пропаже дяди. Отец оставил деда за главного, а сам отправился на поиски брата. Деда будто подменили с того самого дня, когда он заплакал, обнимая коня. Кажется, правду говорила мама. У него было доброе сердце. Глаза у него ослабли, но сложа руки он не сидел. Пас коз, прибирался во дворе, закапывал змеиные норки, искал доски и шифер, уцелевшие от разрушенных построек. А по утрам, взяв меня с собой, отправлялся собирать дождевую воду. Дед хорошо знал эти края. Говорил, например, через недели две дождь перестанет лить и начнется жара. Так оно и случилось.

Ему не легчало. Мог улыбнуться — но я-то видел, что внутри у него все плачет. Нацепив очки с толстыми линзами, он смотрел на пыльные дороги, а когда не мог ничего разглядеть, спрашивал у меня, задавал много вопросов. Когда я отправлялся за козами, он, оставшись в одиночестве, плакал. Возвращаясь, я старался не издавать ни звука, ходил осторожно, чтобы не хрустнула под ногой ветка, — не хотел мешать деду облегчить душу. Точнее, стеснялся этого. Думал, если он наплачется вволю, все обойдется.

Дед все плакал и плакал, и начинал видеть все хуже и хуже. От жары у него пересыхали зрачки. Тускнели, вокруг проступали белые ободки. Коз считать он больше не мог. А моему пересчету не верил, только попусту спорил, ругал себя за плохое зрение. Он худел — и чем больше худел, тем больше походил на того молодого мужчину с фотографии. И чем больше походил на того человека, тем больше я ужасался. Но тосковать мне он не давал. Говорил, человек должен уметь жить и в самые тяжелые времена, проявлять волю. Рассказывал о невыносимо тяжелых годах в прошлом, приводил примеры, рассказывал сказки. Однажды я спросил у него: «Раз так, почему ты плачешь по дяде?»

Он вздрогнул. Долго молчал. Потом глубоко вздохнул и сказал: «Я назвал его именем брата, а брат мой тоже пропал без вести на той войне!»

На землях Хаджи Сулеймана давно не выпадали дожди. Засуха царила не только на земле, но и на небе. Дышать было нечем. Такое ощущение, что нас опустили в тандыр. Наши тела пахли прогорклым маслом. Земля от жары потрескалась, казалось, вот-вот послышится хруст. Жара оказалась невыносимой даже для змей, они постепенно пропали. Мы не знали покоя от мошкары и комаров. Комары проникали даже через марлевые сетки. Солончаки захватывали новые территории, вся даль белела, как от выпавшего снега. Засохшая земля хрустела под ногами, превращаясь в пыль, ветер поднимал эту пыль, и та не оседала еще много дней. Когда чуть прояснилось, я видел реку вдали. Дед говорил, чтоб я не обманывался и не шел к той реке. Это мираж. Эта картинка встает перед глазами от жары. Говорил, что отлично знаком с этими краями, здесь отродясь не текла река, не бил родник. Но, ей-богу, я видел ее собственными глазами. Но, несмотря на всю жажду, не шел к той реке — боялся пропасть, как дядя.

Когда поднималась пыль, ничего разглядеть не получалось. Люди теряли дорогу и не могли вернуться домой. Порой и скотина терялась в этом тумане из песка. Возникало ощущение, что нас на своих крыльях перенесла сюда из дедовского дома, где на стене висела его фотография, какая-то неведомая птица. И почва, и вода, и солнце этого края совершенно иные. Смелые на прежнем месте люди совершенно изменились. Тут они стали робкими, беспомощными, потерянными, заплаканными.

Дед научил меня определять направление ветра. Я смачивал слюной палец, выставляя его вперед, и безошибочно определял направление. Если умеешь ориентироваться и не обманываться миражом, никогда не пропадешь.

— Дедушка, а дядя тоже увидел мираж? — спросил я однажды.

— Он не потерялся, — сердито ответил дед. — Он знает пути-дороги. Только вернуться не может!

В то лето он, сидя на крыльце, рассказывал нам сказки, давал советы и не сводил глаз с дороги. Последний свет в глазах расходо-вал на моего дядю. Пыльные дороги, тянущиеся до реки на гори-зонте, высосали весь свет его глаз, будто нарочно петляли, чтобы измучить его. Порой его взгляд останавливался на какой-то тени вдальеке, он щурился чуть ли не всем лицом, пытаясь разглядеть эту тень, а когда не получалось, звал на помощь меня.

Мы кое-как дотерпели до первого снега. По сути, даже терпеть не получалось. Несколько раз переболели, потеряли от горячки двух коров. На моих ногах появились язвочки. Было так больно! Дед отвел меня в белый вагончик, стоявший в округе, к врачам, но постеснялся сказать: «У него нет обуви». Вместо этого сказал: «Бегае т босиком, непоседа». Высокая врачиха в черных туфлях на каблуках приятным голосом сказала переводчику, чтоб я больше не бегал босиком, у меня аллергия на верблюжью колючку. Мне было стыдно за грязь и язвы на ногах, я старался скрыть ноги под кроватью. Я совсем растерялся, когда врачиха добро и сострадательно улыбнулась, заметив мою пристыженность. Я опустил голову.

Врачи осмотрели деду глаза. Сказали, высокое давление. Сказали, он может окончательно потерять зрение от переживаний и напряже-ния. Здесь никаких условий нет. Надо срочно везти в больницу.

Мне дали много лекарств и мазей в целлофановом пакете. Ле-карства очень помогли, но ноги продолжали зудеть. Дед зарезал курицу, снял с нее кожу, обернул ею мои ноги, сверху наложил мяг-кую ткань, прошептал молитву и под конец добавил: «Родненький мой». У меня слезы навернулись на глаза. Не осталось никаких со-мнений в рассказе мамы: он и вправду держал меня махонького за пазухой. Дед произнес эти слова со столь большой любовью, что через пару дней ноги мои зажили.

Отец появился в середине лета. От дяди никаких вестей. Сказал, в наших родных краях идут кровопролитные сражения, каждый день погибает много людей, пропадают без вести... Кого искать? У кого спросить?

Сердитый дед не смотрел отцу в лицо, не разговаривал с ним. Отец потом бранился: «Я-то в чем виноват?»

В один из жарких дней, когда и надежды наши превратились в головешку, дед воздел лицо к небу и прошептал: «Дождь польет». «Откуда знаешь, дедушка?» — подбежал я к нему. «Воздух пахнет

горами», — ответил он, шумно вдыхая воздух. Один из стоящих поодаль сказал: «Старик совсем сбрендил». Дед, не теряя выдержки, сказал еще более уверенным тоном: «Польет. Обязательно. Вот увидите...»

И вправду, чуть спустя небо заволокли тучи и полил настоящий ливень. Мы так обрадовались. Дед тоже радовался. Нацепив очки, он смотрел на тучи. Но, кажется, не видел ничего. Подставил ладони дождю. Шумно втянул воздух... Запах влажной земли наполнил нас жаждой жизни.

Дед научил меня заговорам, смысла слов в которых я до сих пор не понимаю. Заговор против волков... Я ведь уже говорил, что на землях Хаджи Сулеймана теряется и скотина, не может вернуться назад в хозяйский двор. Утром мы находили там и сям их туши. На земли, где нашли приют беженцы, повадились забредать волки. Волки знали, что в этой степи теряется скотина. Дед говорил. Говорил, волки очень умные. Настоящий чабан должен кормить как стадо, так и волков. В противном случае, волки возьмут верх. Рассказывал, что в соседнем крае на людей напала стая матерых волков. В одну из дождливых осенних ночей не вернулся наш белый конь. Я с ума сходил. Я так не волновался, даже когда пропал дядя. Белого коня я любил больше своего отца. Красивый конь. Я ни разу в жизни не видал такого белоснежного, такого отважного, такого сильного животного. Когда он ржал, сердце у меня выскакивало из груди. Это ржанье звучало настолько тоскливо, что екало сердце, но и воцарялся покой. А как он пах... Боже мой!

Белый конь был одним из членов нашей семьи. Я не представлял нас, нашу семью без него. И еще через него я не терял связи с дядей. Его задрал волк? Как такое стерпеть? Может, прямо сейчас, в эту минуту на него напал матерый волк? Может, он теперь ржет своим тоскливым голосом, от которого екает сердце, и зовет на помощь отца, дядю и даже меня? Я заходил домой, выбегал во двор, выглядывал из ворот в зловещую тьму. Смотрел — и меня пробирала дрожь. Дед увидел, что я схожу с ума. Тогда он достал из кармана складной нож, раскрыл его, поднес ко рту и прочел заклин-

вание. А затем крепко обвязал бечевкой: «Я закрыл волку пасть! В эту ночь с нашим конем ничего плохого не случится. Но ты не должен раскрывать нож, пока наш конь не найдется!» Я спрятал нож подальше от глаз. Вернулся и все просил деда повторить разговор до тех пор, пока не выучил эти слова наизусть.

Белый конь прискакал целым и невредимым. Я подбежал к нему и поцеловал в мягкий нос, пропахший полевыми травами и вьюнками. А нож не раскрывал целую неделю, чтобы волк не причинил вреда и другим животным.

Когда на землях Хаджи Сулеймана выпал снег, дед полностью ослеп. Я показывал на пальцах единицу или двойку перед его глазами, но он ничего не видел. Хотя очки по-прежнему не снимал. И даже велел маме протирать стекла.

Дед сидел возле нашей землянки лицом к подтаявшему снегу и думал о чем-то своем. И тут я подумал, что во всем виноват я сам. Если б не выколол циркулем глаза на его фотографии, он бы не ослеп, мы не потеряли бы свой дом, дядя не пропал бы без вести. Будь дед зряч, взял бы свою длинную палку и прогнал бы чужих людей, отыскал бы дядю, спас бы нас от жары и мошкары на землях Хаджи Сулеймана.

Я был достаточно мал, чтобы в это верить, и достаточно взросл, чтобы от этого мучиться.

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".